

© 2025. В. Г. Андреева
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Идея братства в произведениях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского¹

Аннотация: Предлагаемая рецензия на книгу А. Берман, вышедшую в переводе на русский язык, содержит краткий обзор содержания монографии, ее проблематики. Отмечаются основные заслуги автора, глубокий анализ ряда произведений Толстого и Достоевского в проекции идеи братства, осмысление ключевых противоречий творческого пути классиков. Подчеркивается новаторство книги, ее основательность и продуманность, прекрасное оформление издания. Значение выхода монографии на русском языке бесспорно велико, поскольку до сих пор эта книга, вышедшая в 2015 г. на английском языке, мало цитировалась в отечественной науке. А. Берман удалось пристально и вдумчиво посмотреть на эволюцию семейной темы и концепции братства у обоих классиков, исследовательница справедливо показала основные отличия во взглядах писателей на братьев и сестер в личной жизни и литературе, отметила важные для правильного понимания произведений образы в линии горизонтального родства, а также движение писателей к всеобщему братству, которое для Достоевского выдвинулось на уровне национального единства, а для Толстого стало объединением вселенского масштаба.

Ключевые слова: А. Берман, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, русская классика, братья и сестры, идея братства, концепция, творческая эволюция.

Информация об авторе: Валерия Геннадьевна Андреева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>
E-mail: lanfra87@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 17.10.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 26.01.2025

Дата публикации статьи: 25.03.2025

Для цитирования: Андреева В. Г. Идея братства в произведениях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 442–459. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-442-459>

---

¹ Рецензия на книгу: Берман А. А. Братья и сестры у Толстого и Достоевского. Путь ко всеобщему братству / пер. с англ. Н. Ефимовой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 318 с.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 442–459. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 442–459. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2025. Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Concept of Brotherhood in the Works of L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky¹

Abstract: The proposed review of the book by A. Berman, published in Russian translation, contains a brief overview of the monograph's contents and its problems. The article notes the author's main merits, in-depth analysis of a number of works by Tolstoy and Dostoevsky in the projection of the idea of brotherhood, and understanding of the crucial contradictions in the creative path of the classics. The review emphasizes the book's innovation, thoroughness and thoughtfulness, and excellent design of the publication. The significance of the monograph's publication in Russian is undoubtedly great, since until now this book, published in English in 2015, has been little cited in Russian science. Berman managed to take a close and thoughtful look at the evolution of the family theme and the concept of brotherhood in both classics. The researcher rightly showed the main differences in the writers' views on brothers and sisters in their personal lives and literature, noted the images in the horizontal line of kinship that are important for a correct understanding of the works, as well as the writers' movement towards universal brotherhood, which for Dostoevsky was seen at the level of national unity, and for Tolstoy became a unification on a universal scale.

Keywords: A. Berman, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, Russian classics, brothers and sisters, the idea of brotherhood, concept, creative evolution.

Information about the author: Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Received: October 17, 2024

Approved after reviewing: January 26, 2025

Published: March 25, 2025

For citation: Andreeva, V. G. "The Concept of Brotherhood in the Works of L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 442–459. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-442-459>

---

¹ Book review: Berman, A. A. *Siblings in Tolstoy and Dostoevsky. The Path to Universal Brotherhood*. St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2024. 318 p.

В 2024 г. в авторитетном издательстве «Библиороссика», широко издающем классические и новаторские исследования зарубежных ученых на русском языке, вышла замечательная книга Анны А. Берман «Братья и сестры у Толстого и Достоевского. Путь ко всеобщему братству». А. А. Берман преподает русскую литературу XIX в. в Кембриджском университете, занимается исследованием русского и английского романов XIX в.

На английском языке научная монография А. А. Берман была издана еще в 2015 г. в американском издательстве “Northwestern University Press” [Berman]. Спустя несколько лет книга на английском появилась в Интернете и в небольшом количестве в ведущих библиотеках России. В нескольких периодических изданиях были опубликованы рецензии на монографию Берман на английском языке [Fusso], [Holland], [Nickell].

Однако, судя по откликам на книгу в российской научной среде, по совсем немногочисленным ссылкам, издание на английском не было в должной степени замечено отечественными исследователями, не всегда успевающими познакомиться с новинками зарубежной литературы. Тем более ценным и значимым видится нам выход книги на русском языке, кроме того, тема братьев и сестер в творчестве Толстого и Достоевского в отечественном литературоведении рассматривалась мало, ситуативно и точно, преимущественно в статьях, а не в обширных монографических исследованиях.

В российском литературоведении тема братьев и сестер у Толстого и Достоевского изучалась с применением биографического метода — в большей степени по отношению к жизни и творчеству самих писателей, а не к их произведениям. Так, Е. В. Белоусова отметила: «Все авторитетные исследователи творчества Л. Н. Толстого (Н. Н. Гусев, П. И. Бирюков, Л. Д. Опульская-Громова, Н. И. Бурнашева) обращали внимание на то, что личность старшего брата и все, связанное с ним,

были священны для писателя. Тем не менее жизнь, литературная деятельность Н. Н. Толстого, проблемы его нравственного и творческого влияния на Л. Н. Толстого до сих пор не стали темой отдельного исследования ученых. Одна из причин этого — внешняя незаметность факта его воздействия на характер, мировоззрение, выбор жизненного пути Л. Н. Толстого...» [Белоусова 2016: 8]. В отдельных статьях рассматривались реальные жизненные фигуры, которые стали прототипами героев у Толстого или Достоевского. К примеру, М. А. Мякинченко рассмотрела образ сестры Достоевского — В. М. Достоевской-Карепиной, на примере взаимоотношений классика с сестрой показала, «как рождались в творческой фантазии писателя образы его героев из тех черт его родных и знакомых, в которых нуждался его творческий гений на этапе создания того или иного произведения» [Мякинченко: 118].

Однако концепция братства и собственно идея влияния на личность горизонтального родства (не родителей и детей, а именно братьев и сестер) до А. Берман фактически не рассматривалась в применении к толкованию смыслов произведений писателей и поведенческих харак-

теристик их героев и героинь. Во введении к книге А. Берман справедливо упоминает о широко известном всем поклонникам Толстого и его творчества образе «муравейных братьев» и призыве к братству как основной мысли в речи Алеши Карамазова у камня [Берман: 7–8]. Исследовательница отмечает, что братские отношения в книге исследуются как «поле боя и модель для заветных идеалов, как область ниспровержения и утверждения тех форм любви и единения, которые были наиболее дороги Достоевскому и Толстому» [Берман: 8]. А. Берман несколько сужает исследования семьи в русской литературе, сводя их фактически к сюжету брака с акцентом на роль женщины и к конфликту поколений — тематика и проблематика отечественных научных работ, конечно, гораздо шире, исследовательницей в данном случае не учитывается существенный пласт работ, посвященных духовно-нравственным проблемам семьи, соотношению семьи и государства, осмыслению роли личности в семье. Однако А. Берман справедливо отмечает тот факт, что горизонтальные связи между братьями и сестрами в художественных мирах Толстого и Достоевского до ее исследования не были учтены в должной мере и степени, автор книги констатирует, что братские связи у Толстого и Достоевского выступают моделью общечеловеческих взаимоотношений.

А. Берман считает, что невнимание к горизонтальным родственным отношениям на протяжении длительного времени было характерно не только для литературоведения, но и для гуманитарных наук в целом. В осмыслении основ психологии указанных взаимоотношений А. Берман во многом опирается на книги Джулиет Митчел, которые она цитирует в своей работе. Ценным видится нам тот факт, что *в начале книги* автор дает глубокие пояснения и основные установки, позволяющие правильно понимать далее ход ее рассуждений и по праву глубоко оценивать значение образов братьев и сестер в творчестве Толстого и Достоевского. А. Берман убеждена, что для Толстого преимущественно, а для Достоевского в несколько меньшей степени кровная семья определяется отношением с братьями и сестрами, связью с детством и невинностью, по словам исследовательницы, в семьях обоих писателей вертикальные связи на определенном этапе оказались заменены горизонтальными, однако с большой долей заботы и внимания и без духа соперничества.

Рассуждая о поэтике Толстого и его склонности к внимательному и чуткому анализу, А. Берман находит просто удивительным отсутствие

у писателя собственно теоретических утверждений о братской любви. По мнению исследовательницы, данный факт связан с тем, что концепция братских отношений не вызывала у Толстого каких-либо сомнений. Нельзя исключать (хотя А. Берман прямо об этом не упоминает) и тот факт, что писатель не был намерен подвергать аналитическому «разложению» и уяснению те отношения, которые считал максимально ценными и значимыми в жизни человека, главным образом — мужчины. (Отметим, что сам Толстой, особенно после смерти братьев, старательно искал себе верного друга среди лучших своих знакомых. Пытаясь воплотить в жизнь концепцию братства, он примерял на эту роль лучшего друга, которого хотел бы видеть почти братом, то Б. Н. Чичерина, то Ю. А. Самарина, потом и других своих знакомых [Андреева 2023]. В конце 1860-х гг. и в 1870-е гг. Толстой во многом обрел лучших друзей в А. А. Фете и Н. Н. Стрехове). А. Берман отмечает, что и Достоевский, подобно Толстому, не делал открытых и декларативных заявлений о братских отношениях. Характеризуя последние, А. Берман видит четыре отличающих их ключевых особенности: равенство и представленность в одном поколении, отсутствие сексуальности, безусловность (что отличает эти отношения от дружбы), наконец, реализацию в кругу «своих», «родных» людей.

Еще в преддверии пяти основных глав, посвященных произведениям писателей, автор книги в параграфе «Традиция: унаследованные модели братства» представляет мифы, религиозные и литературные сюжеты, которые оказываются в основе осмысления типов братства и отношений к ним, ценным и полезным для понимания предыстории и вопроса исследования в целом видится нам обращение к культурным основам понятия «братство», к его исторической составляющей — применительно к тому времени, к которому относится творчество обоих классиков — ко второй половине XIX в.

Первая глава книги «Идеальная любовь по Толстому: эротика против семьи» посвящена творчеству Толстого в целом, в большей степени — его первой трилогии и роману-эпопее «Война и мир». А. Берман упоминает о влиянии, оказанном на Толстого философами прошлого — от Платона и Руссо до Шопенгауэра, показывает постепенное отречение Толстого от сексуальной страсти и плотских желаний. Исследовательница отмечает, что Толстой нередко стремился свести любовь исключительно к духовному, но считал, что люди сразу не способны

начать с духовной любви, которая развивается в человеке поэтапно. А. Берман показывает, как «с типичной для него эгоцентричностью Толстой описывал этапы любви на собственном примере», как потом он придавал этим этапам универсальный характер в работе «Царство Божие внутри вас» [Берман: 49]. Автор книги абсолютно права в отношении Толстого-художника, когда пишет о том, что «он не мог и помыслить о любви как об абстрактном понятии, оторванном от семьи и более крупного сообщества или человечества в целом» [Берман: 49]. В потребности ощущения семейных связей и причастности к дому Толстой постоянно оборачивается назад, к образу своей родительской семьи, находя главными в ней отношения с братьями и сестрой. А. Берман предлагает читателю глубокий и интересный разбор «Отрочества» и «Юности», в котором делает акцент на образе Володи, являющимся высоким стандартом для Николеньки.

Исследовательница скрупулезно расставляет акценты, показывая осознание подрастающим Николенькой внутренней силы и глубины брата. И Толстой, как справедливо отмечает А. Берман, в данном случае во многом опирается на личный опыт. «“Мой брат Николай умнее, гораздо умнее меня, и всё, что я имею, я получил от него”, — эти слова Л. Н. Толстого, записанные в 1880-е гг. его современницей и другом семьи Е. И. Сытиной, дают полное право говорить не только о том, каким большим нравственным авторитетом для него с раннего детства был Н. Н. Толстой, но и о его воздействии на становление Л. Н. Толстого как писателя» [Белоусова 2016: 11].

Нельзя не обратить внимание на то, что периодически в главах о Толстом А. Берман умело иллюстрирует восприятие толстовских образов Достоевским, а в главах о Достоевском иногда обращается к толстовской оценке тех или иных событий и фактов. Этот ход в книге очень удачен, при различающихся подходах к концепту братство Толстого и Достоевского он каждый раз позволяет автору высветить особую специфику отличий. Так, к примеру, А. Берман пишет об оценке Достоевским трилогии Толстого в «Дневнике писателя», отмечая, что Достоевский делает большой акцент на гордыне в вопросе взаимоотношений братьев: «В его описании эти отношения выглядят так, как если бы о них писал он сам, их драматизм проистекает из внутренней борьбы Николеньки между самоосознанием и ощущением собственной ущербности или превосходства» [Берман: 55].

По нашему мнению, одна из самых интересных и глубоких частей книги связана с оценкой ученым романа-эпопеи «Война и мир» в свете построения ключевых идейных центров вокруг пар «брат — сестра». Это связано, конечно, с квинтэссенцией изображения братски-сестринских отношений в произведении: «Принимая во внимание то большое значение, которое Л. Н. Толстой придавал памяти о старшем брате и о воспринятом от него стремлении к братскому единению, можно сказать, что “Война и мир” стала для писателя прекрасным средством воплощения неразрушимого образа братства в художественном слове» [Белюсова 2020: 43]. А. Берман отмечает, что Толстой «действительно создает полноценные отношения между мужскими и женскими персонажами в моменты их полного единения», но эти яркие моменты наиболее выражены для братьев и сестер, а не для влюбленных. Анализируя толстовские эпизоды с точки зрения восприятия, А. Берман раскрывает секрет их «непонятности» и фактически «незамеченности» читателями: «Близость оказывается незамеченной не потому, что описана менее сильным слогом, а потому, что нам привычно приравнять сильную любовь к эросу, и потому мы игнорируем союз поющих душ, принадлежащих брату и сестре, которые не испытывают друг к другу сексуального влечения» [Берман: 62].

Автор книги тонко анализирует высшие мгновения счастья, переживаемые братьями и сестрами, показывает часто непередаваемые словами моменты духовного сближения Наташи и Николая Ростовых, Марьи и Андрея Болконских, отмечает, как впоследствии романтический партнер становится соперником брата или сестры. А. Берман считает, что отсутствие сексуальности при изображении браков у Толстого связано с опорой писателя на модель отношений брата и сестры из его идеализированного детства. Примечательно, что именно в книге А. Берман (учитывая огромное количество отечественных и зарубежных исследований, посвященных «Войне и миру») впервые так ясно демонстрируется, что «Наташа — важнейший источник вдохновения для многих героев на протяжении всего романа, но никто никогда по-настоящему не обладает ею и не создает с ней полноценной романтической связи в ее чарующем зрелом состоянии» [Берман: 72]. От анализа художественного мира романа автор книги выходит к внутренним противоречиям писателя в плане создания романтических отношений: «...если женщина достойна любви на всю жизнь, тогда она должна

стать чем-то святым, чем-то “над всем миром”, и поэтому к ней нельзя прикасаться» [Берман: 73]. Братство в искаженной форме иллюстрируется, как показывает Берман, на примере взаимоотношений Элен и Анатоля Курагиных, дальнейшего нежелания Элен быть матерью.

Глубина осмысления автором судеб героев Толстого, понимания характеров и типов видна также благодаря показательным сравнениям и емким выводам. Один из таких значимых итогов делает автор в отношении Сони (на основании толстовских описаний): «Соня появляется в начале как игривый котенок, а в конце становится кошкой, привязанной к дому, а не к людям» [Берман: 81]. А. Берман убедительно доказывает, как Толстой «пытался соединить братство и эрос, усилив первое и очистив второе» [Берман: 83].

Во второй главе книги «Динамика братской любви у Достоевского: от Мечтателя к Идиоту» рассматриваются произведения раннего периода творчества писателя и романы «Преступление и наказание», «Идиот». Исследовательница отмечает, что в ранних произведениях Достоевского мало пар братьев и сестер, однако нередко герои берут на себя роль «брата» или «сестры». Более того, А. Берман показывает, что для Достоевского не характерны романтические любовные сюжеты, которые свойственны, к примеру, героям Толстого: «...страсть для Достоевского — опасная форма безумия, помолвка — отказ от свободы, а брак — форма взаимного рабства [Берман: 83]. Как и большинство исследователей творчества Толстого и Достоевского, при сопоставлении идей писателей, А. Берман пишет об оппозиции любящих семей Толстого и «случайных семейств» Достоевского. Рассуждая о различных формах любви и привязанности у Достоевского, исследовательница обращается к теориям психоаналитиков: З. Фрейда, Жд. Боулби, Э. Янг-Брюль и Ф. Бетеларда.

Отдельный интересный параграф посвящен автором «троичности» любви у Достоевского. Ссылаясь на Леви-Стросса, на его образ брака как «вечного треугольника», когда в судьбу женщины неизменно вмешивается группа, автор книги анализирует далее образы героев Достоевского. А. Берман рассматривает точки зрения различных достоевсковедов, в том числе К. В. Мочульского, и выдвигает свою позицию относительно действия троичности. Исследовательница при этом разводит раннее и позднее творчество Достоевского: «Если в поздних романах троичность принимает соперническую, антагонистическую

форму и мы действительно находим там двух влюбленных (как предполагает Мочульский), то в ранних произведениях Достоевский наделяет троичность положительным потенциалом, включая в нее брата или сестру» [Берман: 96].

Анализируя последовательно «Белые ночи», «Униженных и оскорбленных», автор приходит к утверждению, что самой сильной попыткой Достоевского создать чисто братскую любовь был, конечно, князь Мышкин, что уже у раннего Достоевского была реализована тема замены вертикальных отношений в семье — горизонтальными: «Родителей и детей обычно рассматривают так, как если бы они находились на двух взаимоисключающих осях, но в “Униженных и оскорбленных” порой устанавливается жесткий патриархальный порядок, а в других случаях отцы и дети ставятся на один уровень» [Берман: 112]. «Преступление и наказание» А. Берман рассматривает как семейный роман, но в отличие от К. В. Мочульского, включившего в любовный треугольник в произведении Дуню, Разумихина и Свидригайлова, автор книги предлагает другой треугольник: Раскольников между Дуней и Соней. По мнению А. Берман, одной из ключевых женских фигур в романе, причем до сих пор не до конца понятых читателями и учеными, является Дуня, а Соня становится ее дублером.

В книге показано освоение Достоевским некоторых сюжетов и идейных находок Диккенса, отмечается, что «Достоевский использует отношения с братьями и сестрами как лакмусовую бумажку для моральных ценностей» [Берман: 127]. А. Берман не склонна видеть в художественных мирах Достоевского постоянные православные заветы и уроки, однако исследовательница не преуменьшает роль религии и веры в произведениях Достоевского, останавливаясь на духовном измерении братства.

В третьей главе книги «Расширение родственных связей: “Анна Каренина”» автор предлагает рассматривать роман через призму братских отношений, как «горизонтальную сеть родственных связей» [Берман: 145]. А. Берман считает, что в восьмой части романа «Анна Каренина» Толстым был поставлен вопрос *о пределах, до которых может быть расширена сеть родства*. Исследовательница показывает, как от черновиков к итоговому тексту романа Толстой укреплял мысль о том, что счастливой жизни семьи недостаточно, если человек не участвует в более широкой общественной структуре. А. Берман очень ин-

тересно отмечает, что встретившиеся один раз в романе Анна и Левин являются «родственниками через общих зятьев и невесток» [Берман: 147]. В рецензируемой книге показано, что знакомство Левина и Кити (а потом и их счастливый союз) основаны на чувстве родства — Толстой бросает вызов стандартному пониманию романтической любви: «В мире Толстого возвышенные поэтические чувства и физическое влечение должны сочетаться со стабильностью родственных связей, чтобы обрести устойчивость» [Берман: 155].

А. Берман обращает внимание читателя на тот факт, что впервые как Анна, так и Левин представляются в роли сестры (для Стивы Облонского) и брата (для Сергея Ивановича Кознышева и Николая Левина), что акценты Толстого не были характерны для романов того времени, поэтому и не были сразу поняты (собственно раскрываются многие детали только сейчас). Не будем пересказывать глубокий и интересный анализ романа и поведенческих характеристик, реакций героев — любителям художественной прозы Толстого и тем более литературоведам стоит обратиться к соответствующим страницам монографии А. Берман, обращающей пристальное внимание на ценные детали и подробности, на заложенный в них смысл. Исследовательница объединяет героев и показывает глубокие отношения между сестрами Щербацкими, Левиным и Кознышевым, между Анной и Стивой, между Анной и Долли (последняя любит Каренину «как сестру») и т. д. Не уходит от внимания А. Берман и тот факт, что любимый брат Каренина умирает за границей вскоре после женитьбы Алексея Александровича, вследствие чего последний остается фактически в полном одиночестве с точки зрения встроенности в горизонтальные взаимоотношения в семье.

Немалое внимание в главе уделяется оппозиции «свой — чужой» в романе Толстого, которая стала одной из центральных в книге Р. Густафсона, «основой в психологическом опыте Толстого». Большой заслугой автора монографии видится умелое и уместное использование работ предшественников. Так, ссылаясь на ценные замечания Р. Густафсона, А. Берман не пытается при этом толстовское «духовное измерение» напрямую связать с «эмблематической поэтикой» [Андреева 2010: 90]. Исследовательница также не удаляется в терминологические абстракции, наглядно показывая, что смысл брака мужчины и женщины состоит в вовлечении их в более широкие сети родства [Берман: 171]. Одной из ключевых функций брака является создание семьи и

рождение детей, но А. Берман показывает и многочисленные исключения, ситуации, когда дети не укрепляют семейные связи, и «только «непреодолимая» данность братства вполне обеспечивает в мире романа присутствие постоянных «своих»» [Берман: 172].

А. Берман оправданно уделяет большое внимание восьмой части романа «Анна Каренина», которая не была опубликована в журнале «Русский вестник» М. Н. Каткова, в связи с расхождением во взглядах редактора и писателя, а вышла отдельно. Исследовательница смотрит на восьмую часть романа с точки зрения расширения идеи братства до более глобального масштаба: «По мере того как Вронский готовится присоединиться к российской армии для защиты своих «братьев-славян» в Сербии, Толстой исследует, можно ли расширить «братские» связи и сеть родства до такой абстрактной крайности» [Берман: 179]. Размышляя над столкновением позиций героев в последней части романа, А. Берман далее показывает восприятие Достоевским вопроса о помощи сербам и его реализацию в романе «Анна Каренина». Автор монографии предлагает мудрое объяснение оппозиции мнений двух писателей, основываясь на *идее расширения концепции братства*. По мнению А. Берман, Достоевский фокусируется не на родственной стороне вопроса помощи сербам, а на религиозном аспекте проблемы, однако для Толстого и его Левина, сфокусированных в это время на родстве, «любить незнакомцев на другом конце света невозможно» [Берман: 183].

Опираясь на идею расширения любви по горизонтальной оси братства, А. Берман показывает, что братская любовь в этом плане контрастирует с бинарностью романтической любви, которая не должна становиться социальной и может гармонично сосуществовать исключительно внутри пары (тут автор упоминает не один раз появляющуюся на страницах книги идею Чернышевского о трехсторонних союзах, к которой нетерпимо относились оба писателя: и Толстой, и Достоевский).

Четвертая глава книги ««Случайные семейства» Достоевского и всеобщее братство: поздние произведения» посвящена идее разрыва родственных связей в реальности и настойчивого поиска писателем способов их восстановления. С одной стороны, кажется, что в поздних романах Достоевского семья попирается полностью: «В мире Достоевского братья и сестры, близкие друг другу по крови, воспитанные

в одной социальной среде, схожие не только внешне, но и в своих душевных качествах, катастрофически не могут понять друг друга» [Барышникова: 125]. Но А. Берман считает, что помимо вертикальных связей в случайных семействах, иллюстрирующих катастрофу государственного масштаба, есть проблески в виде братских связей — горизонтальных. Исследовательница обращает немалое внимание на «самое мрачное и откровенное описание Достоевским несостоятельности родителей», включающее еще и историю братоубийства, анализирует «социальную матрицу» в «Бесах», показывая, что многочисленные примеры взаимодействия героев в романе становятся фактом обращения вспять или разрушения иерархии, но не создания равенства [Берман: 191]. В книге показано, как писатель вместо счастливого братства иллюстрирует братство обездоленных, искалеченных, нетрезвых отбросов общества. Автор монографии находит удачную и емкую формулировку для передачи общего кризисного состояния в произведении: «Роман “Бесы” исследует, что происходит, когда, презирая своих слабых родителей, молодое поколение отвергает Бога Отца и пытается поставить на его место своего брата» [Берман: 194]. А. Берман показывает, как Достоевский демонстрирует читателям разные ложные братства и шаг за шагом развенчивает их.

Автор монографии несколько раз напоминает и разницу в социальном статусе писателей в проекции их взглядов: «В отличие от гармоничных домашних сцен приготовления варенья у Толстого, Достоевский изображает суровые реалии бедности, разврата и семей, в которых отсутствуют традиционные узы» [Берман: 206]. А. Берман показывает, как границы «случайных семейств» у Достоевского расширяются. В «Бесах» общество выступает как метафорическая семья, в «Подростке» мы видим выход за пределы семьи, чтобы оценить состояние российского общества. Рассматривая основной идеологический конфликт романа «Братья Карамазовы» — конфликт между верой и неприятием Божьего мира, — А. Берман сосредотачивает внимание на отношениях братьев в споре Ивана и Алеши и шире, поскольку главный вопрос, мучающий Ивана Карамазова, по мнению исследовательницы, заключается «не в противостоянии веры и разума в традиционном смысле, но в его практическом воплощении в вопросе о том, как человек может любить своих собратьев» [Берман: 212]. Автор книги видит глубинный параллелизм в сценах беседы Алеши и Ивана, Христа и инквизитора и

высказывает свою убежденность в том, что проявляющаяся с особенной силой любовь в обеих сценах — это братская любовь. А. Берман последовательно анализирует важные эпизоды романа, отмечая в них роль братства. Как и ряд ученых, А. Берман склонна противопоставлять случайному семейству Карамазовых семью нового типа, которая появляется в финале романа. Но в отличие от Голштейна и Фуссо, которые видят в Алеше — отца, а в мальчиках у камня — его «детей», А. Берман полагает, что перед нами новая семья, состоящая из братьев.

Завершая четвертую главу книги, исследовательница отмечает, что Достоевский не смог освободиться от шовинизма, с которым была прочно связана идея братства. Свидетельством такого подхода могут быть многочисленные свидетельства писателя о России и западных странах. Достоевский, по мысли А. Берман, не преодолевал национальную ограниченность, в братстве он видел естественное состояние русской души. Толстой же «в своих поздних произведениях пошел дальше», сделав братство «состоянием человеческой души» [Берман: 239].

Собственно выход Толстого к наднациональному, вселенскому масштабу и позволил пятую главу книги посвятить именно этому писателю, смогшему сделать значительный шаг вперед в расширении идеи братства и создании абстрактной концепции семьи. А. Берман рассматривает три способа, использованные Толстым для перехода от индивидуальной любви к универсальной, в основе которых находится определенное соотношение «я» и «другого». Исследовательница справедливо отмечает, что во время написания «Войны и мира» Толстой не мог совместить для героя (Андрея Болконского) всеобъемлющую любовь и продолжение жизни: любовь Наташи для него была противопоставлена божественной любви. Это противоречие Толстой попытался преодолеть с помощью идеи братской привязанности. Так, Пьер в романе-эпопее вынужден был пройти через разочарование в масонах (которых он счел братьями, но которые оказались конкурирующими членами общества с мелочными интригами). Далее, как показывает автор книги, Толстой дает Пьеру понимание семейной любви и модель пути к всеобщему братству — модель Платона, которая «демонстрирует недогматическую форму толстовского христианства» [Берман: 261]. А. Берман делает верное обобщение о том, что в финале всех трех романов Толстого «главенство семьи противопоставляется всеобщей любви» [Берман: 266]. Если в финале «Анны Карениной» мы начинаем

сомневаться, что спасает человека семья, то в «Воскресении» Толстой демонстрирует, что Нехлюдов уже не может вернуться к спокойной жизни в своей семье, то есть к своей прежней жизни, «где он участвует в систематическом угнетении невинных и извлекает из этого выгоду» [Берман: 269]. В рецензируемой монографии представлено, как рушится идеализированный семейный мир Толстого, который жил в его воспоминаниях. Толстой начинает все более основательное отвержение сексуальной любви и брака. Высочайший идеал для него составляет братская любовь, поэтому и политические в романе выглядят жалко и принижено, за исключением Марьи Павловны и Кондратьева, которые были свободны от любовных отношений. А. Берман иллюстрирует глубинное противоречие, с которым остался Толстой, так его и не разрешив, но замечательно воплотив в «Отце Сергии» и «Воскресении» — речь идет о поиске личной истины внутри себя и стирании индивидуальности и безличном идеале. Отдельного внимания заслуживает интересный параграф в составе последней главы, посвященный женщинам в братстве. Мы полностью согласны с автором книги, доказывающей, что идеальной героиней позднего Толстого становится Марья Павловна Щетинина — писатель «вывел женщин за рамки семьи, предоставив им роль в более широком стремлении ко всеобщей братской любви» [Берман: 285].

Глубокая и ценная книга А. Берман содержит как значимые аналитические разборы отдельных произведений и эпизодов романов Толстого и Достоевского, данные с точки зрения главенствующей концепции братства, так и весомые обобщения, предлагающие разгадку двух творческих путей, двух векторов движения самых известных писателей второй половины XIX в. Благодарность, предвещающая книгу, посвящение ее брату автора, наконец, возвращение от литературы к реальной жизни очень хорошо демонстрируют, что концепция, лежащая в основе исследования А. Берман, не только основательно осмыслена ею, но и прочувствована, прожита. Автор книги отмечает, что «буквальное братство может стать путем ко всеобщему только в области литературы (или мечты/сна), где могут быть реализованы все наши лучшие идеалы» [Берман: 299].

В финале рецензии хотелось бы остановиться не только на содержательных, но еще и на формально важных моментах, без которых было бы немислимо издание книги А. Берман на русском языке. Речь идет о

слаженной работе всего издательства «Библиороссика», творческом и тонком переводе книги с английского Надежды Ефимовой, оформлении издания Иваном Граве. В представлении всех этапов работы над книгой, тем более — над книгой такого содержания, видится как раз элемент братства — «шаг к большому единству...» [Берман: 299].

Список литературы
Исследования

Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>

Андреева В. Г. Символика в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 16, № 4. С. 88–92.

Барышникова О. О. Героиня-сестра как тип загадочной женщины в художественном мире Ф. М. Достоевского // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 1 (18). С. 120–125.

Белоусова Е. В. Нравственное влияние Н. Н. Толстого на младшего брата (по материалам дневника и переписки Л. Н. Толстого) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 5–13. <https://doi.org/10.17223/15617793/409/1>

Белоусова Е. В. Образ Н. Н. Толстого и его любимая идея о всеобщем братстве как лейтмотивы в романе-эпопее «Война и мир» // Материалы научных сессий 2019 года в Государственном музее Л. Н. Толстого, М.: РГ-Пресс, 2020. С. 40–49.

Берман А. А. Братья и сестры у Толстого и Достоевского. Путь ко всеобщему братству / пер. с англ. Н. Ефимовой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 318 с.

Berman A. Siblings in Tolstoy and Dostoevsky: the Path to Universal Brotherhood. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2015. 242 p.

Мякинченко М. А. В. М. Карепина (Достоевская) — сестра и героиня романов Ф. М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 113–119. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-113-119>

Fusso S. Review of Siblings in Tolstoy and Dostoevsky: The Path to Universal Brotherhood, by A. Berman // The Slavic and East European Journal. 2016. Vol. 60, no. 4. P. 749–750.

Holland K. Review of Siblings in Tolstoy and Dostoevsky: The Path to Universal Brotherhood // Slavic Review. 2017. Vol. 76, no. 3. P. 822–823.

Nickell W. Review of Siblings in Tolstoy and Dostoevsky: The Path to Universal Brotherhood // Russian Language Journal / Русский Язык. 2016. Vol. 66. P. 154–156.

References

- Andreeva, V. G. “‘Liubeznyi drug... ne serdis’ za otkrovennost’!’: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina” [“Dear Friend... Do Not Be Angry for Frankness!’: Correspondence Between L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 1, 2023, pp. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83> (In Russ.)
- Andreeva, V. G. “Simvolika v romane L. N. Tolstogo ‘Anna Karenina.’” [“Symbolism in L. N. Tolstoy’s Novel ‘Anna Karenina.’”] *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, vol. 16, no. 4, 2010, pp. 88–92. (In Russ.)
- Baryshnikova, O. O. “Geroinia-sestra kak tip zagadochnoi zhenshchiny v khudozhestvennom mire F. M. Dostoevskogo” [“The Heroine-Sister as a Type of Mysterious Woman in the Artistic World of F. M. Dostoevsky”]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (18), 2011, pp. 120–125. (In Russ.)
- Belousova, E. V. “Nravstvennoe vliianie N. N. Tolstogo na mladshogo brata (po materialam dnevnika i perepiski L. N. Tolstogo)” [“Moral Influence of N. N. Tolstoy on his Younger Brother (Based on the Diary and Correspondence of L. N. Tolstoy)”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 409, 2016, pp. 5–13. <https://doi.org/10.17223/15617793/409/1> (In Russ.)
- Belousova, E. V. “Obraz N. N. Tolstogo i ego ljubimaia ideia o vseobshchem bratstve kak leitmotivy v romane-epopee ‘Voina i mir.’” [“The Image of N. N. Tolstoy and His Favorite Idea of Universal Brotherhood as Leitmotifs in the Epic Novel ‘War and Peace.’”] *Materialy nauchnykh sessii 2019 goda v Gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo [Proceedings of Scientific Sessions of 2019 in the State Museum of L. N. Tolstoy]*. Moscow, RG-Press Publ., 2020, pp. 40–49. (In Russ.)
- Berman, A. A. *Brat’ia i sestry u Tolstogo i Dostoevskogo. Put’ ko vseobshchemu bratstvu [Brothers and Sisters in Tolstoy and Dostoevsky: The Path to Universal Brotherhood]*, trans. from English by N. Efimova. St. Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2024. 318 p. (In Russ.)
- Berman, Anna. *Siblings in Tolstoy and Dostoevsky: The Path to Universal Brotherhood*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2015. 242 p. (In Russ.)
- Miakinchenko, M. A. “V. M. Karepina (Dostoevskaja) — sestra i geroinia romanov F. M. Dostoevskogo” [“V. M. Karepina (Dostoevskaya) — Sister and Heroine of F. M. Dostoevsky’s Novels”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 26, no. 4, 2020, pp. 113–119. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-113-119> (In Russ.)
- Fusso, Susanne. “Review of Siblings in Tolstoy and Dostoevsky: The Path to Universal Brotherhood, by A. Berman.” *The Slavic and East European Journal*, vol. 60, no. 4, 2016, pp. 749–750. (In English)
- Holland, Kate. “Review of Siblings in Tolstoy and Dostoevsky: The Path to Universal Brotherhood.” *Slavic Review*, vol. 76, no. 3, 2017, pp. 822–823. (In English)
- Nickell, William. “Review of Siblings in Tolstoy and Dostoevsky: The Path to Universal Brotherhood.” *Russian Language Journal / Russkiiazyk*, vol. 66, 2016, pp. 154–156. (In English)